

УДК 930(092)

**Н.И. КАРЕЕВ В 1899–1906 ГОДЫ:
«ДОСУГОВЫЙ ДИСКУРС» ИСТОРИКА**

Г.П. Мягков, В.А. Филимонов

Аннотация

Статья посвящена анализу исторического бытия выдающегося российского историка и социолога, профессора Варшавского и Петербургского университетов, члена-корреспондента Краковской и Петербургской Академии наук, почетного члена АН СССР Николая Ивановича Кареева (1850–1931) во время изгнания его из Петербургского университета (1899–1906).

Ключевые слова: коммуникативное пространство, «досуговый дискурс», Петербургский университет, интеллектуальная элита России.

В интеллектуальной биографии выдающегося русского историка и социолога Николая Ивановича Кареева (1850–1931) период 1899–1906 гг. остался вне сферы интересов исследователей его творчества. В самых подробных на сегодняшний день жизнеописаниях ученого, принадлежащих В.П. Золотареву, сразу после 1899 г. «наступает» «бурное время первой русской революции» [1, с. 24]. Между тем реконструкция этой лакуны в биографии Н.И. Кареева, маркированной нами как «досуговый дискурс», дает интересный материал для анализа изменений, произошедших в исследовательской практике историка.

Итак, в 1899 г. Н.И. Кареев «по высочайшему повелению» был выведен из состава профессоров Петербургского университета и Высших Женских курсов. Обстоятельства увольнения описаны и самим историком, и исследователями его творчества, во многом опирающимися на его собственные свидетельства (см. (НИОР РГБ. Ф. 119, п. 44, д. 14, л. 1–46), [1, с. 21–24; 2, с. 203–209; 3, с. 18–22]). Все позднейшие биографы сходятся в одном: изгнание – следствие политической неблагонадежности историка. Так, Л.П. Лаптева, опираясь на архивные материалы, справедливо связывает увольнение профессора с его выступлениями в Совете университета «за смягчение и полную отмену наказаний», а также с подписанием письма министру народного просвещения, «содержавшего протест против полицейского произвола» [4, с. 92–93]. На это указывает и официальный документ – датированная 1911 годом «Записка» заместителя министра внутренних дел министру народного просвещения Л.А. Кассо, в которой указано, что «Н.И. Кареев уже в течение многих лет принадлежит к либеральному лагерю ученых и литераторов; в бытность свою профессором Санкт-Петербургского университета он <...> пользовался среди неблагонадежной части учащихся особою популярностью, а в 1899 г. за активное участие

в «обструкционном» студенческом движении он был устранен от чтения лекций в университете» (РГИА. Ф. 733, оп. 201, д. 156., л. 44).

Однако обращение к хранящемуся в архиве университетскому делу «О службе профессора Николая Кареева» дает нам основание полагать, что и для самого историка, и даже для университетского начальства поступившее сверху требование уволить Кареева прозвучало как гром среди ясного неба. Утверждение же о негативном отношении «профессора к государственному и общественному строю России» [5, с. 138] и «ненависти царского правительства к Н.И. Карееву» [1, с. 26] (несмотря на явную политическую подоплеку всего дела) как главной причине увольнения его из университета выглядит, пожалуй, явным преувеличением. Показательно, что воспоминания Кареева, к написанию которых он обратится спустя почти два десятилетия, вряд ли прояснят ситуацию¹.

Начнем с того, что студенческие волнения, стихийно начавшиеся 8 февраля 1899 г., были спровоцированы полицией и первоначально не носили политического характера². Позиция, занятая Кареевым в связи с начавшимися беспорядками, хотя и могла в глазах начальства рисовать образ профессора-бунтовщика, объяснялась скорее здравым смыслом и обостренным чувством справедливости, чем политическими пристрастиями (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 2, д. 1355, л. 214, 218 об.). Судя по материалам, содержащимся в протоколах заседаний Совета университета, Кареев предлагал ходатайствовать о немедленном прекращении полицейских мер, смягчении наложенных взысканий и скорейшем возобновлении занятий. Надо сказать, что в самый разгар событий (13 февраля 1899 г.) был подписан Высочайший указ о «пожаловании» Кареева орденом Владимира 3-й степени «по засвидетельствованию министра народного просвещения об отлично-усердной службе» (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 170), а 2 марта управляющий Петербургским учебным округом дал разрешение Карееву на летнюю заграничную командировку (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 166). В это же время в университете под руководством бывшего военного министра П.С. Ванновского начала работу специальная комиссия для расследования обстоятельств дела. Это, по словам Кареева, «успокоило большинство студентов, которое готово было приступить к занятиям» [2, с. 206].

Казалось, инцидент исчерпан, и вплоть до летних каникул ученый не испытывал особого беспокойства за последствия своего участия в этих событиях.

---

¹ Дело в том, что в написанном в условиях революции 1917 года для «Былого», но не опубликованном «рассказе об изгнании» Кареев предлагает такое объяснение причин «изгнания»: «Настойчивость, с какой я добивался созыва совета, который должен был выступить в защиту студентов, мои непочтительные слова о министре в присутствии помощника попечителя, два выступления тоже в присутствии “поставленного высочайшей властью ректора” и многие другие слова в заседании совета, заключавшие в себе критику действий учебного начальства, все это в самом деле рисовало меня в глазах Боголепова (министра просвещения. – Г.М., В.Ф.) как бунтовщика» (НИОР РГБ. Ф. 119, п. 44, д. 14, л. 14). В совершенно иной тональности, представляется, описываются Кареевым события 1899 г. в воспоминаниях «Прожитое и пережитое» (глава 11, написана в 1921 г.). Мемуарист настойчив в утверждении тезиса, что «... всегда, как раньше, так и позже, был противником этой (студенческое движение. – Г.М., В.Ф.) формы общественного протеста. Сколько раз приходилось спорить со студентами, сколько прямо ссориться...» [2, с. 204]. Далее. Свои «непочтительные слова» в адрес ректора, в которых он видит «одну из причин... увольнения из университета», Кареев объясняет возникшим у него чувством солидарности со «стариком Ламанским», призвавшим ректора проф. В.И. Сергеевича к отставке: ему стало стыдно за профессоров-товарищей, которые не поддержали призыв (см. [2, с. 206]).

² В Петербургском филиале Архива РАН находятся копии свидетельских показаний об избении полицией студентов в день ежегодного торжественного университетского акта (ПФ АРАН. Ф. 39, оп. 1, ед. хр. 65, л. 68–79), эти показания частично опубликованы (см. [6, с. 171–172]).

Его, в отличие от других профессоров и студентов, даже не вызвали для дачи показаний в комиссию Ванновского. Во время последовавшей вскоре «второй, более длительной забастовки» Кареев, по его собственным словам, «всячески убеждал знакомых студентов прекратить эту новую забастовку и ссорился со своим секретарем Васильевским, ездившим в Юрьев для агитации среди тамошних студентов» [2, с. 207]. Когда занятия закончились, ученый воспользовался полученным разрешением, отправился в заграничную поездку и провел последний месяц летних вакаций с женой в Далмации (см. [2, с. 207]).

В это время в университетском «Деле Н.И. Кареева» появляется датированное 24 июля 1899 г. письмо управляющего Петербургским учебным округом Л.И. Лаврентьева ректору университета с пометкой «конфиденциально»: «...имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство немедленно объявить профессору <...> Карееву, что г. министр народного просвещения не находит возможным дальнейшее оставление его на профессорском посту, указав при этом профессору Карееву, чтобы он в течение недели со времени получения им такого извещения обратился к своему начальству с просьбою об увольнении его в отставку, с предупреждением его, что в случае неисполнения настоящего предписания он будет уволен от службы без прошения» (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 171). Через 2 дня ректор отправляет официальное письмо с этим требованием продолжающему пребывать в отпуске и ни о чем не подозревающему адресату.

Ответное письмо Кареева от 12 августа содержит отказ подать в отставку: «Принятие этого предложения, – писал он, – было бы для меня равносильным признанию за собою какой-либо вины, а между тем не только мне не было предъявлено никаких обвинений, но я и сам не могу считать себя в чем-либо виноватым, посему мне остается только заявить, что я не могу согласиться на сделанное мне предложение» (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 174). Конечно, Кареев рисковал. Отказ подчиниться грозил увольнением по «третьему пункту» (без объяснения причин и с запретом исполнения государственной службы) и лишением права на выслуженную им еще в 1897 г. государственную пенсию. Однако уверенность в собственной невинности и надежда на то, что сложившуюся ситуацию следует считать не более чем недоразумением, заставляют его хлопотать и требовать объяснений. Товарищ министра просвещения Н.А. Зверев в личной беседе «глухо сослался на расследование генерала Ванновского» [2, с. 207], но последний, специально пригласив к себе Кареева, заявил, что о нем «и речи во время дознания не было» [2, с. 208]. Приближалось время начала занятий, ситуация оставалась неясной, пока не появилось официальное письмо министра народного просвещения попечителю учебного округа за № 22760 от 21 сентября 1899 г. с резолюцией: «высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 12 текущего сентября, за № 66, ординарный профессор С.-Петербургского университета, доктор всеобщей истории, статский советник Кареев уволен от означенной должности с 1 сентября» (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 180).

В мемуарах историка горечь от несправедливого решения властей стерта временем: Кареев пишет о приезде к нему профессоров «с визитом соболезнования» [2, с. 209], хотя и тут отметим, что его увольнение, по словам Е.А. Ростовцева, «не встретило особого “протеста” у большинства “платоновцев”» [7, с. 185]–

представителей Кружка русских историков во главе с С.Ф. Платоновым. Действительно, в письмах Платонова к В.С. Иконникову (от 31 августа 1899 г.) и Н.М. Бубнову (от 1 сентября) лишь констатируется факт увольнения Кареева и обсуждается вопрос о замещении вакантной кафедры (см. [8, с. 60–61]).

Анализ переписки этого периода показывает, сколь глубоки были переживания Кареева и сколь возмущена была научная корпорация произволом чиновников. В личном архиве историка мы находим письма с выражением сочувствия и поддержки, полученные от Е.В. Белявского, П.Г. Виноградова, А.А. Кизветтера и др. (НИОР РГБ. Ф. 119, п. 9, ед. хр. 20–22; п. 46, ед. хр. 79–80; п. 10, ед. хр. 16–17). До глубины души возмущенный происходящими событиями А.С. Лаппо-Данилевский в августе 1899 г. писал жене из Киева с Археологического съезда: «У меня большое сомнение, оставаться ли в университете или выбираться из ловушки как бы нарочно устроенной не только для студентов, но и для профессоров» (ПФ АРАН. Ф. 113, оп. 3, д. 10, л. 65 об. – 66, см. также [9, с. 113]).

Примерно в то же самое время В.П. Бузескул, получивший известие об отставке Кареева «от очень надежных лиц» (скорее всего от Лаппо-Данилевского на уже упомянутом съезде), пишет о том, что долго «не верил в самую возможность чего-либо подобного» (письмо от 24 августа) (НИОР РГБ. Ф. 119, п. 9, ед. хр. 68, л. 1), «все-таки я надеюсь на лучший исход дела. <...> Ваши харьковские знакомые глубоко поражены всем произошедшим...» (письмо от 8 сентября) (НИОР РГБ. Ф. 119, п. 9, ед. хр. 69, л. 3 об.); «до последнего надеялся, что до этого дела не дойдет» (письмо от 22 сентября) (НИОР РГБ. Ф. 119, п. 9, ед. хр. 69, л. 5). В ответном письме В.П. Бузескулу от 26 сентября 1899 г. Кареев поделился, что уже объявился преемник на «освободившееся» место – казанский профессор Э.Д. Гримм, который даже приходил «за советом»: с одной стороны, видите ли, можно проситься на места изгнанных своего учителя и старшего товарища (имеется в виду уволенный вместе с Кареевым И.М. Гревс. – *Г.М., В.Ф.*), а с другой в Петербурге жить лучше, чем в Казани. <...> Оказалось потом, что и спрашивал он советы уже после того, как решил уже, что возьмет на себя наши лекции. Это одно из самых печальных впечатлений последнего месяца среди других невеселых впечатлений» (ПФ АРАН. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 91, л. 10 об.).

Так или иначе, с удалением Кареева из университета начался новый период его жизни, который кроме несомненных минусов («надо было подумать о новом заработке» [2, с. 222]) имел, оказывается, и некоторые плюсы, прежде всего, большее количество свободного времени. Оба этих фактора не могли не изменить направленности и интенсивности научных и общественных занятий ученого. Совсем без средств Кареев не остался, ибо продолжал читать лекции в Александровском лицее (правда, теперь как преподаватель по вольному найму), однако необходимость дополнительного заработка и внезапно объявившийся «досуг» позволили ему осуществить несколько давних замыслов, которые следует признать и успешно реализованными бизнес-проектами.

Давно интересуясь вопросами преподавания истории в средней школе и серьезно рассуждая о необходимости реформирования школьного образования, Н.И. Кареев в течение 1900–1901 гг. выпускает один за другим три учебника

по древней, средневековой и новой истории, которые впоследствии выдержали в сумме 35 изданий, не считая переводов на польский и болгарский языки (подробнее см. [10]).

Большие усилия историк предпринял для распространения исторического знания. Для этого требовалась соответствующая научно-популярная печатная продукция, пригодная для систематического самостоятельного чтения и освещения сложных научных вопросов в доступной массовому читателю форме. В связи с этим нельзя не отметить недолгое, но плодотворное сотрудничество Кареева с редакцией журнала «Вестник и библиотека самообразования», где в 1903 г. он опубликовал 10 работ (см. [11, с. 73–74]). В том же научно-популярном ключе ученым были написаны две обобщающие работы (см. [12; 13]). В жанровом отношении первая из них представляет собой очерки главнейших исторических эпох, соединяющие в одно целое материал написанных еще в 80-е годы «Введений» в курсы древневосточной, античной, средневековой, новой и новейшей истории. Вторая книга является кратким обзором всемирно-исторической эволюции человечества, в котором историк сводит к более обобщенному виду фактический и идейный материал, заключающийся в его «Учебных книгах» и дающий «возможность проследить эволюцию отдельных народов, не только продолжавших более раннюю культуру, но и повторявших те же ступени, которые переживались другими народами» [14, с. 16].

В той ли иной степени к популяризаторской деятельности Кареева следует отнести и его плодотворную работу в качестве редактора исторического отдела «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Это место ученый получил еще в 1891 г., когда главная редакция перешла к К.К. Арсеньеву и Ф.Ф. Петрушевскому, признавшим необходимость приглашения для руководства наиболее важными и обширными отделами особых редакторов (см. [15]). В интересующий нас период Кареев продолжает активную переписку с исследователями и привлекает лучших специалистов по тому или иному вопросу, но, главное, как автор он выступает гораздо чаще. Мы провели подсчет количества публикаций Кареева в «Словаре» в качестве автора: в 1891–1899 гг. (тома 9–55) он опубликовал 41 статью, а в 1900–1905 (тт. 56–2 доп.) – 46 статей. В 61-м томе содержалось наибольшее количество публикаций – 13, а в 1902 г. было опубликовано 18 статей (тома 69–71).

С издательством «Брокгауз и Ефрон» связана реализация еще одного долгосрочного проекта – издания и редактирования (совместно с И.В. Луцицким) серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время», предназначенной «главным образом для людей, которые, получив образование не ниже среднего или приобретши навык к чтению научно-популярных книг, желали бы пополнить и расширить свои исторические знания, вынесенные большей частью из элементарных учебников» [16, с. III–IV]. Издание этой коллекции было начато в 1900 г. и продолжалось вплоть до Первой мировой войны.

Осенью 1902 г. Кареев был приглашен читать лекции по всеобщей истории на экономическом отделении вновь открытого Политехнического института. Составляя программу нового курса, он решил, что «студентам-экономистам нужно не то, что студентам-историкам», и задумал читать «особые <...> типологические курсы, в которых были бы с сравнительной и обобщающей точки

зрения рассмотрены и государство-город античного мира, и древний деспотизм, и средневековый феодализм, и западноевропейские монархии трех категорий: сословная, абсолютная и конституционная» [2, с. 223]. Помимо этой причины следует сказать и о том, что Кареев, разделяя платформу либерализма и выступая его идеологом, специфически реализовывал эту ролевую функцию в рассуждениях о явлениях иных цивилизаций (подробнее о Карееве как теоретике социального либерализма см. [17, с. 127–142, 158–167; 18]). Связывая либеральные взгляды Кареева с атмосферой общероссийской политической жизни начала века, нельзя не заметить, что ученый в своих сочинениях, посвященных монархиям древнего Востока, античному городу-государству, настойчиво, хотя и не всегда явно, пытался найти обоснование преимуществ самоуправляющейся полисной политической структуры по сравнению с абсолютной монархией, восточным деспотизмом (см. [19, с. 110]).

Курсы были прочитаны в 1903–1908 гг. и сразу же изданы. Всего вышло в свет пять книг, из которых первые три были переизданы дважды: 1) Государство-город античного мира. – СПб., 1903 (3-е изд. – СПб., 1910); 2) Монархии древнего Востока и греко-римского мира. – СПб., 1904 (3-е изд. – СПб., 1913); 3) Поместье-государство и сословная монархия средних веков. – СПб., 1906 (3-е изд. – СПб., 1913); 4) Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. – СПб., 1908; 5) Происхождение современного народно-правового государства. – СПб., 1908. Был задуман и шестой курс – «Варварские королевства начала средних веков», который должен был, по мысли Н.И. Кареева, заполнить хронологическую лауну между «Монархиями древнего Востока...» и «Поместьем-государством...», но замысел не получил исполнения, хотя даже в 1908 г. ученый с уверенностью писал: «Этой форме (варварским королевствам. – Г.М., В.Ф.) будет впоследствии посвящена особая книга» [20, с. 4, прим. 1].

Политехнический институт находился вне городской черты, и поэтому ученый «расположил свои лекции так, чтобы бывать там (в институте. – Г.М., В.Ф.) лишь два раза в неделю с ночевкой между первым и вторым днем» [2, с. 223]. Свободные вечера использовались для чтения необязательных лекций общеобразовательного характера, «которые усердно посещались» ([2, с. 223], см. также [21]). Таким образом, кроме радушного приема и дополнительного заработка Кареев получил благодарную аудиторию и возможность регулярно публиковаться в научном печатном издании института – по нашим подсчетам за период 1904–1913 гг. в «Известиях Санкт-Петербургского Политехнического института» было опубликовано 19 работ Н.И. Кареева.

Нельзя не сказать и еще об одной сфере деятельности Н.И. Кареева, инициированной ситуацией вынужденного досуга, – общественной. Он был деятельным членом Литературного фонда; Отдела для содействия самообразованию Союза взаимопомощи русским писателям (закрытого властями «за оппозиционный дух» [2, с. 234]); Исторического общества при университете, где, несмотря на увольнение, продолжал оставаться бессменным председателем и редактором неперидического сборника «Историческое обозрение» (в течение 1901–1905 гг. увидело свет 4 выпуска).

В 1904 г. Кареев был избран гласным Петербургской городской думы. По его словам, до этого он участвовал только в неофициальных общественных

объединениях и «не имел касательства не только к каким-либо казенным комитетам, но и к учреждениям местного самоуправления» [2, с. 225]. Тогда же сложилась инициативная группа, выработавшая документ, который получил название «Записка 342» и стал платформой будущего Академического союза. Эту «Записку» подписали 16 членов Академии наук, 125 профессоров и адъюнкт-профессоров, 201 доцент, преподаватель, ассистент и лаборант. В числе подписавшихся – Н.И. Кареев (см. [22, стлб. 180–182]).

В опубликованных биографиях ученого неоднократно отмечался факт его ареста и 11-дневного пребывания в Петропавловской крепости в связи с участием в депутатии к министру внутренних дел, просившей правительство отказаться от применения силы 9 января 1905 г. (см., например, [1, с. 26–27; 4, с. 92] и др.). В связи с этим приведем малоизвестный факт, проливающий дополнительно свет на отношение Кареева к аресту. В письме к В.П. Бузескулу, написанном через 3 дня после освобождения из крепости (25 января 1905 г.), читаем: «Статья об “Афинской политике” (для «Словаря Брокгауза и Ефрона». – Г.М., В.Ф.) пришла в мое *отсутствие*, продолжавшееся *одиннадцать дней* (выделено нами. – Г.М., В.Ф.), и только сегодня узнал, что кто-то другой написал то же по поручению Радлова. <...> Сейчас же и ему, и Арсеньеву пишу, что именно Ваша, а не чья-нибудь другая статья должна быть напечатана в словаре...» (ПФ АРАН. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 91, л. 23 об.).

После издания 17 октября 1905 г. царского Манифеста, по которому разрешалось создание политических партий и назначались выборы в Государственную думу, Кареев становится членом партии кадетов, председателем ее Петербургского комитета и избирается в первый российский парламент. Подробности этого, по определению Кареева, «кратковременного периода... политической деятельности» достаточно подробно описаны самим историком (см. [2, с. 225–241]). В литературе проводится мысль, что Кареев «страшно разочаровался в политической деятельности, и это заставило его вернуться в лоно привычной ему исследовательской работы историка» [5, с. 140]. Элементы такого разочарования действительно содержатся в его статьях о думских делах, публиковавшихся в газете кадетской партии «Речь». Всего в этой газете за 1906 г. было опубликовано 18 заметок разного объема, последняя – в номере за 4 июля (см. [11, с. 83–84]). Любопытно, что, оставаясь формально членом партии кадетов, Кареев никак не отреагировал на выборы во II и последующие Думы – ни в газетной периодике, ни в мемуарах не содержится никаких следов интереса историка к российским парламентским делам. Лишь в 1917 г. он объявит о своей позиции по поводу предстоящих выборов в Учредительное собрание (см., например, [23]). При этом мы в большей степени склонны объяснять мотивы такого отказа окончанием ситуации «досугового дискурса».

Ни на минуту не расставаясь с желанием вернуться к университетскому преподаванию, Кареев еще 19 августа 1903 г. подал прошение ректору «о желании вступить в приват-доценты» университета (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 193). В апреле 1906 г. он был вынужден по этому поводу выступить с заявлением в печати: «По поводу появившегося в... “Нашей жизни” известия о допущении меня к чтению лекций в университете в качестве приват-доцента, считаю нужным объяснить, что вопрос об этом допущении был возбужден

мною не теперь, когда при закрытии университета, возбуждать такой вопрос было бы, по меньшей мере, странно, а два с половиной года тому назад в августе 1903 г., когда министром был... Зенгер, и что пока официального извещения из университета о допущении меня к приват-доцентуре я не получал» [24]. Документы архивного дела содержат переписку, длившуюся более трех лет и сопровождавшуюся бесконечными согласованиями и проволочками (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 193–205). Если выборы в Совете университета прошли успешно, то с министерским утверждением произошла заминка. В конце концов «высочайшим приказом» от 18 ноября 1906 г. Кареев был «назначен сверхштатным ординарным профессором университета по кафедре всеобщей истории» (ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 206). Если бы это произошло годом ранее, то он «не стал бы подвергать себя избранию в Государственную думу, так как ее членом по закону нельзя было быть, состоя на государственной службе» [2, с. 241].

Таким образом, вынужденное отлучение Кареева от университета создало ситуацию «досугового дискурса», длившуюся семь лет. Связанные с ней необходимость поиска дополнительных средств к существованию и увеличившееся количество свободного времени стимулировали изменение направленности и расширение сферы его исследовательских и общественных практик. При всей плодотворности этой ситуации она не могла считаться нормальной. Как только появилась возможность вернуться в университет к привычной для него профессорской деятельности, Кареев не преминул воспользоваться ею.

Summary

G.P. Myagkov, V.A. Filimonov. Nikolay I. Kareev in 1899–1906: Historian's "Leisure Discourse".

The article regards the historical existence of a prominent Russian historian and sociologist Nikolay I. Kareev (1850–1931). Kareev was a professor of Warsaw and St.-Petersburg Universities, corresponding member of Krakow and St.-Petersburg Academies of Science, and an Honoured Member of the Academy of Science of the USSR. The period under investigation is the time of Kareev's banishment from St.-Petersburg University (1899–1906).

Key words: communicative space, "Leisure Discourse", St.-Petersburg University, Russian intellectual elite.

Источники

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. – Ф. 119 (Н.И. Кареев).

РГИА – Российский государственный исторический архив. – Ф. 733. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения Российской Империи.

ПФ АРАН. – Петербургский филиал Архива Российской академии наук. – Ф. 39 (А.С. Фаминцын).

ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 14. Санкт-Петербургский Императорский университет.

ПФ АРАН – Ф. 113 (личный фонд академика А.С. Лаппо-Данилевского).

ПФ АРАН – Ф. 825 (В.П. Бузескул).

Литература

1. *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 160 с.
2. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подг. текста, авт. вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 384 с.
3. *Золотарев В.П.* Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – С. 5–40.
4. *Лантева Л.П.* Русский историк Н.И. Кареев (1850–1931) и его взаимоотношения с политическими режимами // Проблемы славяноведения. – Брянск: Изд-во Брянск. ун-та, 2000. – Вып. 2. – С. 88–95.
5. *Золотарев В.П.* Николай Иванович Кареев (1850–1931) // Новая и новейшая история. – 1992. – № 4. – С. 128–155.
6. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. II. Петербургский-Петроградский университет. 1895–1917. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 224 с.
7. *Ростовцев Е.А.* Н.И. Кареев в среде историков Петербургской школы // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. ун-та, 2002. – С. 183–186.
8. Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: в 2 т. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930. – М.: Наука, 2003. – 388 с.
9. *Ростовцев Е.Н.* Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX – XX вв. // Журн. социол. и социал. антропологии. – 2000. – Т. 3, № 4. – С. 105–121.
10. *Филимонов В.А.* Феномен «профессорского учебника» (на примере «Учебной книги древней истории» Н.И. Кареева) // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. – Москва; Ставрополь, 2003. – Вып. 4. – С. 63–70.
11. Николай Иванович Кареев. Биобиблиографический указатель (1869–2007) / Сост. В.А. Филимонов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 224 с.
12. *Кареев Н.И.* Общий ход всемирной истории. – СПб., 1903. – 303 с.
13. *Кареев Н.И.* Главные обобщения всемирной истории. – СПб., 1903. – 148 с.
14. *Конский П.* [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории // Рус. школа. – 1903. – № 7–8. – С. 12–16.
15. *Румянцева Т.Н.* Замысел издания «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона. – URL: <http://libconfs.narod.ru/2003/s8/rumianceva.htm>, свободный.
16. *Кареев Н.И.* Политическая история Франции в XIX веке. – СПб., 1902. – 300 с.
17. *Мягков Г.П.* «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 200 с.
18. *Гнатюк О.Л.* Н.И. Кареев как политический мыслитель // Социология истории Николая Кареева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – С. 339–352.
19. *Жигунин В.Д., Мягков Г.П.* Исторический опыт античной государственности и российской либеральной историография // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1999. – С. 109–115.
20. *Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI – XVIII вв. – СПб., 1908. – 452 с.
21. *Кареев Н.И.* Вечерние общеобразовательные лекции в Санкт-Петербургском политехническом институте // Изв. С.-Петербур. политехн. ин-та. – 1904. – Т. II. – С. 99–108.

22. Право. Еженедельная газета. – СПб., 1905. – № 3.
23. *Кареев Н.И.* «Россия больна...» // Вестн. городского самоуправления. – СПб., 1917. – 12 нояб.
24. *Кареев Н.И.* Письмо редактору // Наша жизнь. – СПб., 1906. – № 81.

Поступила в редакцию
15.09.09

Мягков Герман Пантелеймонович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: *gmyagkov@yandex.ru*

Филимонов Владимир Альбертович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Сыктывкарского государственного университета.

E-mail: *meggie@mail.ru*